

Т. В. Зверева
**«ВЛАСТЬ ТЬМЫ»: ТВОРЧЕСТВО СЕРГЕЯ МИЛОВСКОГО
 (С. ЕЛЕОНСКОГО)**

doi: 10.30759/1728-9718-2025-1(86)-16-21

УДК 82(47) ББК 83.3(2)

Исследование обращено к творчеству сарапульского писателя конца XIX — начала XX в. Сергея Миловского (С. Елеонского). Рассказы писателя представлены как часть «уральского мегасверхтекста», нуждающегося в дальнейшей разработке, что и обусловило актуальность данной работы. Новизна исследования связана с тем, что произведения Миловского еще не становились объектом развернутого филологического анализа («Качук», «Машенька», «Андрей Пареный», «Подпасок», «Неизреченный свет», «Папаша крестный» и др.). В статье прослежена связь рассказов Миловского с идейно-художественным содержанием произведений А. Чехова, М. Салтыкова-Щедрина, а также писателей-народников (Г. Успенский, Н. Златовратский, Н. Наумов, Ф. Нефедов, Ф. Решетников). В творчестве Миловского отражено кризисное состояние русской провинции конца XIX — начала XX в., поиски выхода из которого связаны, с одной стороны, с идеологией народничества, с другой — с клерикальной идеей. Анализ произведений показывает, что оба пути оказываются для автора тупиковыми. «Хождение в народ» обнаруживает свою несостоятельность, поскольку Миловский видит, что просвещение языческого народонаселения и обращение его в христианство чреваты глубинными культурными и религиозными конфликтами. Одновременно писатель выявляет кризис и вырождение духовного сословия, на рубеже XIX–XX вв. окончательно утратившего свое влияние на народ. Осознание тупика приводит Миловского к выводу о невозможности пребывания в наличной реальности — к «индивидуальной ликвидации».

Ключевые слова: *С. Миловский, эголитература, «уральский мегасверхтекст», духовная проза, автор*

Имя русского писателя конца XIX — начала XX в. Сергея Николаевича Миловского (1861–1911) упоминается сегодня крайне редко. Небольшие библиографические очерки, посвященные С. Миловскому-Елеонскому, включены в «Краткую литературную энциклопедию»,¹ библиографический справочник «Писатели и литературоведы Удмуртии»² и книгу «Христианство в Удмуртии».³ Много для воскрешения забытого имени сделала Н. С. Запорожцева: благодаря ее изысканиям увидела свет биография писателя («Тайны Сарапульского зрителя»⁴), а также опубликовано три тома его сочинений («Хрустальное яблоко»,⁵ «Не-

изреченный свет»,⁶ «Волшебник»⁷). В 2022 г. в рамках проекта «Забытая русская проза» в Рязани вышел сборник рассказов «Папаша крестный».⁸ Последнее десятилетие отмечено появлением ряда литературоведческих статей, обращенных к творчеству писателя, среди которых следует особо выделить работы И. В. Фазиулиной.⁹ И все же сделанного на сегодняшний день недостаточно. История литературы как предмет научных изысканий должна учитывать не только писателей первого и второго ряда, но и тех многочисленных авторов, в творчестве которых проявился если не художественный талант, то особенности эпохальной оптики. Актуальность данного исследования также связана с дальнейшей разработкой понятия «уральского мегасверхтекста»,¹⁰ втягивающего в свою

¹ Миронов Г. М. Елеонский С. (С. Н. Миловский) // Краткая литературная энциклопедия. М., 1964. Т. 2. С. 881, 882.

² Поздеев П. К. Сергей Миловский // Писатели и литературоведы Удмуртии. Библиографический справочник. Ижевск, 2006. С. 83, 84.

³ Шумилов Е. Ф. Христианство в Удмуртии: Цивилизационные процессы и христианское искусство. XVI — начало XX в. Ижевск, 2001. С. 318–320.

⁴ Запорожцева Н. С. Тайны Сарапульского зрителя. Сарапул, 2016.

⁵ Миловский С. Н. Хрустальное яблоко: рассказы. Сарапул, 2011.

⁶ Он же. Незреченный свет. Сарапул, 2012.

⁷ Он же. Волшебник. Сарапул, 2015.

⁸ Миловский-Елеонский С. Папаша крестный. Рассказы. Рязань, 2022.

⁹ Фазиулина И. В. Эголитература, или к вопросу о художественном методе С. Н. Миловского (Елеонского) // Кормановские чтения. Ижевск, 2014. Вып. 13. С. 87–100; Она же. Писатель в провинции: формирование художественного мышления С. Н. Миловского (Елеонского) // Дергачевские чтения—2014. Русская литература: типы художественного сознания и диалог культурно-национальных традиций. Екатеринбург, 2015. С. 253–258.

¹⁰ О разработке и применении термина «уральский мегасверхтекст» см.: История литературы Урала. XIX век: в 2 кн. М., 2021.

Зверева Татьяна Вячеславовна — д.филол.н., профессор кафедры истории русской литературы и теории литературы, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск)
 E-mail: tvzver.1968@yandex.ru

орбиту локальные тексты, которые, в свою очередь, формируются в различных национальных культурах «как результат освоения отдельных мест, регионов географического пространства и концептуализации их образов».¹¹ Существенная часть творческого пути С. Миловского связана с российской провинцией — г. Сарапулом. Первое его произведение — очерк «На поповом дворе» — было опубликовано в девятом номере журнала «Русское богатство» за 1895 г., за подписью «С. Елеонский». Важно, что рассказы Миловского принадлежат к той линии русской словесности, которая современными литературоведами определяется как «духовная проза»,¹² хотя, как следует из дальнейшего анализа, речь скорее идет о существенной трансформации этого понятия.

Рубеж XIX–XX столетий — время переходное, кризисное по своему существу. Жизнь и творчество С. Миловского как нельзя лучше отражают духовные метания «человека кануна» — кануна мировой войны, кануна, как выразилась А. Ахматова, «настоящего некалендарного XX века». Душевная драма Миловского связана с поиском своего поприща: на протяжении всей жизни он будет находиться в состоянии выбора между духовной и писательской стезей. Поиск внутреннего «я» отразится в поиске писательского имени: при публикации своих произведений Миловский подписывает их многочисленными псевдонимами («Горюн», «Старцев», «Об--ь», «Спирит», «Млит», «Обыватель», «Ив», «Павлов», «Шиханов», «Служитель», «Провинциал», «Пеплов» и др.). На первый взгляд, в подобной авторской стратегии усматривается чеховская игра с псевдонимами. Однако можно говорить и о своеобразном расщеплении личности, находящейся в бесконечном поиске имени собственного. Заметим, что окончательный выбор псевдонима (С. Елеонский) был подсказан В. Короленко, что также косвенно свидетельствует о том, что самостоятельно Миловский так и не определился с выбором писательского имени. В дальнейшем внутренний конфликт писателя по-прежнему будет обусловлен противоречием между духовной и творческой деятельностью. В одном из

писем Короленко он говорит о желании оставить службу: «Надо убираться подобра-поздору с двумя прекрасными отзывами синодских ревизоров и орденом Св. Анны 3 степени — за беспорочную службу. А то “порочность” Елеонского повредит “беспорочности” Миловского».¹³

При содействии того же В. Короленко Миловский выпустил два сборника рассказов в 1904 и 1911 гг., но тогда они прошли мимо критики, поскольку художественные поиски писателя не отвечали модернистским устремлениям новой эпохи. Подчеркнем, что сам Миловский с недоверием относился к декадентским веяниям (например, непонимание такого современного течения, как символизм, обнаруживается в письме к Короленко от 25 января 1903 г.).¹⁴ О маргинальном положении сарапульского писателя свидетельствуют и резкие отзывы современников. Так, например, тон писем Горького к Миловскому зачастую был очень резким, а в одном из писем Горький вообще предложил ему сжечь написанные рассказы и забыть о них.¹⁵

Исследуя феномен Миловского-Елеонского, И. В. Фазиулина отнесла его к «эголитературе», являющейся, по определению М. Н. Эпштейна, «подчеркнуто авторской, интровертной, направленной на самовыражение самого автора и более или менее равнодушной к запросам читательской среды».¹⁶ По мнению исследовательницы, обращение к художественному творчеству было необходимо Миловскому для сохранения промежуточной позиции в «провинциальном дискурсе»: «Организуя весь человеческий мир вокруг текста и стремясь увидеть через текст этот мир, Миловский, с одной стороны, сохраняет свою инаковость, с другой, напротив, художественно осмыслив провинциальный быт, осваивается в нем, изживает ощущение отдельности».¹⁷ Добавим, что как писатель Миловский преследовал еще одну цель — вырваться из провинции и занять нишу на столичном литературном поле. Безусловно, он осознавал несовершенство собственных текстов, но, как видно из писем, старался следовать советам своих адресатов. Переписка с В. Короленко, М. Горьким, В. Брюсовым свидетельствует о

¹¹ Абашев В. В. Русская литература Урала. Проблемы геоэтики. Пермь, 2012. С. 18.

¹² Теоретические аспекты «духовной прозы» см.: Пращерук Н. В. Современная духовная проза: традиции, смыслы, поэтика. Екатеринбург, 2018; Гладкова Е. В. Духовная проза 1830–1870-х годов // Христианство и русская литература. СПб., 2006. Сб. 5. С. 138, 139; Бухаркин П. Е. Православная русская церковь и русская литература в XVIII–XIX веках: проблемы культурного диалога. СПб., 1996.

¹³ Миловский С. Н. Неизреченный свет. Сарапул, 2012. С. 311.

¹⁴ См.: Он же. Хрустальное яблоко. Сарапул, 2011. С. 310, 311.

¹⁵ См.: Горький М. Собрание сочинений: в 30 т. М., 1954. Т. 28. С. 321.

¹⁶ Цит. по: Фазиулина И. В. Писатель в провинции: формирование художественного мышления С. Н. Миловского (Елеонского) // Дергачевские чтения–2014. Русская литература: типы художественного сознания и диалог культурно-национальных традиций. Екатеринбург, 2015. С. 256.

¹⁷ Там же. С. 256.

стремлении Миловского войти в контекст большой литературы, порвать с церковной средой и утвердить свое имя в качестве писательского.

Сравнение Миловского с Чеховым прочно утвердилось в критике. Речь при этом идет не столько о прямом влиянии чеховского творчества на начинающего провинциального писателя, сколько об изначальной общности их мировоззрения, сформированного «эпохой безвременья». Как и в чеховских текстах, слова «тоска», «скука», «пустота» составляют лексико-семантическое поле рассказов Миловского. Большинство произведений Миловского примыкают к чеховским «скучным историям». С Чеховым Миловского роднит и тема так и не начавшейся жизни. Правда, в отличие от чеховских персонажей, герои Миловского не задаются вопросом о ее высшем смысле, но в их высказываниях звучит мысль о неуловимости и мимолетности человеческой жизни («Кажется мне, будто я до сих пор и не жил, а только собирался жить...»;¹⁸ «И как она прошла, право, моя жизнь, скучно, тоскливо, скверно, сквернисе... Фу!»¹⁹). Выявить сокровенный смысл человеческого существования «сарапальскому Чехову» не удастся даже вопреки своей принадлежности к духовному сословию. В «Андрее Пареню» стук молотка, забивающего крышку гроба, становится символом той «жуткой пустоты», которой отмечена как жизнь отдельного человека, так и жизнь российской провинции: «Стук, начавшийся с высокого резкого тона от удара по шляпке гвоздя, переходил постепенно в низкие ноты и как бы расширялся; когда же последние удары молотка касались дерева, гроб звучал какой-то жуткой пустотой».²⁰

Типологическое сходство можно увидеть и при сопоставлении творчества С. Н. Миловского и М. Е. Салтыкова-Щедрина (в своих письмах Миловский часто цитировал высказывания писателя-сатирика). Именно Щедрина в полной мере удалось запечатлеть распадающийся мир русской провинции. Сходным оказывается прежде всего «топографический опыт» двух писателей. И Щедрин, и Миловский — «вятские затворники», авторы, являющиеся «чужими» для провинциального мира. Позиция наблюдателя, о которой в своих статьях говорила И. В. Фазиулина, действительно позволяет обрести «избыток зрения» — увидеть то, что неви-

димо для самих обитателей захолустья. В силу самых разных причин Щедрина удастся остаться на позиции «наблюдателя» и тем самым дистанцироваться от изображаемого мира (эта дистанция — вообще характерная черта щедринского творчества). Анализ нарративной структуры рассказов Миловского убеждает, что их автор не смог сохранить спасительной дистанции.

Выход из кризиса виделся Миловскому либо в преображении Царства земного, либо в обращении к Царству Небесному. Первый путь неизменно связан с революционными преобразованиями (прежде всего, с народнической идеологией), второй — с духовной деятельностью под покровительством Церкви. Этим и обусловлена двойственность авторской позиции. Выбрав для себя духовную стезю и окончив Казанскую духовную академию с ученой степенью кандидата богословия, будущий писатель продолжал искать собственную идею, позволяющую ему пребывать в мире.

Формирование личностных убеждений происходило в 1880-е гг. — период, когда в России получили распространение народнические идеи. М. Горький вспоминал, что, находясь в Казани, посещал кружок Елеонского-Миловского, где последний вел беседы по «Азбуке социальных наук» В. В. Берви-Флеровского: «...мы убеждались, что полезный труд — только труд крестьянина, “из этого труда истекает вся простая и мудрая правда жизни, весь свет и все тепло для души”; на службу крестьянству городской человек и должен отдать все свои помыслы, все силы. Все, что мы читали, должно было подтверждать неоспоримость этой истины, нам и казалось, что все книжки единогласно подтверждают именно эту истину».²¹ Заметим также, что в рассказах Миловского имеются прямые и косвенные отсылки к творчеству Г. Успенского, Н. Златовратского, Н. Наумова, Ф. Нефедова, Ф. Решетникова и др. Однако увлечение народническими идеями улетучилось почти сразу, как только будущий писатель оказался в гуще народной жизни. В 1895 г. его перевели в Сарапальское духовное училище — глухую по тем временам провинцию. Именно с сарапальским периодом связано начало его творческого пути.

Большинство рассказов писателя в жанровом аспекте близко к бытовому очерку. Миловский описывал среду (духовно-учебные заведения), которую хорошо знал, поэтому героями его рассказов часто становились провинциальные учителя («Машенька», «Качук», «Рекреация», «Вож-

¹⁸ Миловский-Елеонский С. Папаша крестный. Рассказы. Рязань, 2022. С. 139.

¹⁹ Миловский С. Н. Хрустальное яблоко. С. 35.

²⁰ Там же. С. 45.

²¹ Горький М. Указ. соч. Т. 25. С. 135.

деленное преуспеяние» и т. д.). Как правило, фигура учителя у Миловского представлена в ироничном ключе, учительствующие герои принадлежат все к тому же непросвещенному слою, что и основная масса населения. В творчестве Миловского отсутствуют примеры, которые бы показывали возможность изменения народной среды. Писатель осознает, что «хождение в народ» не является залогом его спасения. К тому же взгляд автора лишен идеализации народных масс, характерной для социал-демократического направления русской словесности. Как стороннего наблюдателя, Миловского поражают невежество, дикие представления об окружающем мире, бытующие в провинции.

Для характеристики художественного мира Миловского замечательно подходит толстовская формула — «власть тьмы». Одним из сквозных сюжетов становится гибель молодого, светлого, чистого. Так, в рассказе «Машенька» появление молодой учительницы в училище лишь на мгновение освещает «тусклое бытие» о. Матвея и учителя-холостяка Петра Сергеевича. Усилиями этих двух истосковавшихся по светлой жизни героев преобразуется скромное жилище Машеньки: «А солнце, в унисон душевной музыке вдруг брызнуло ярким, горячим лучом в зеркало и, отрезвившись в нем, расцвело все — и стол, и туалет, и медный самовар, и золотую медаль...»,²² «А вот Машенькиной комнате это все идет, как синева к небу, как зелень в саду, как роса к цветам на утре майского дня...»²³ Значимым для данного текста является противопоставление преобразенной маленькой комнатки окружающему пространству: «У о. Матвея в доме обстановка старая, тусклая, полинявшая, ничего в ней не подновлял и совсем не обращал внимания, есть она или нет. Про квартиру Поспелова нечего и говорить — нора, мурье...»²⁴ (оппозиция света и тьмы всецело определяет поэтику данного рассказа). Однако развязка оказывается трагичной: Машенька читает написанный ее учениками донос и бросается в плотину. Финальное решение о. Матвея и Петра Сергеевича выстроить в селе богадельню ничего не меняет в авторской оценке действительности: тьма торжествует и заполняет собой тот свет, который несла героиня (неслучайно один из героев называет ее «солнышком»).

Языческая тьма торжествует и в рассказе «Качук». Под влиянием чтения книг просы-

пается душа учителя Павла Мегистова: «Вся душа Мегистова поднялась. Ведь ни газет, ни журналов он никогда в жизни не читал!»;²⁵ «...и учитель освещал страницы книги светом из печки, читал и уходил в иной мир, где есть и свет, и радость, и счастье...»;²⁶ «...всю ночь ему снилась... дорога, устланная теми газетными листами, на которых золотые слова “Сейте разумное, доброе, вечное”».²⁷ Автор неслучайно дает главному герою апостольское имя; сюжет внутреннего перерождения Мегистова восходит к новозаветному «обращению Савла в Павла». Сюжет прозрения осложнен любовной перипетией: Павел влюбляется в язычницу Качук и начинает обучать ее грамоте и разговаривать с ней о Христе, выступая при этом в роли «культурного героя», принесшего свет знания в темную черемисскую деревню.

Попадая в чуждый ему мир, Мегистов начинает видеть разницу между привычным ему бытом и бытом зырян. По ходу рассказа происходит еще одно прозрение персонажа, на этот раз связанное с осознанием разности двух культурных укладов — языческого и христианского. Именно в уста Павла Миловский вкладывает свои сокровенные мысли о когда-то прерванном русским народом исконном пути черемисов: «А был он когда-то смелым народом. В песнях и легендах черемисских сохранились зачатки былой истории: у них были богатыри, которые воевали с вотьяками и русскими, — но история эта была очень грустная: из нее видно, как гнали черемис с Оки на Волгу, с Волги на Каму, Вятку, и они постепенно отодвигались в глушь лесов, топь болот...»²⁸ При этом функцию резонера выполняет герой, предельно удаленный от автора.²⁹

Несмотря на то, что этот рассказ имеет счастливый финал, развязка выглядит нарочито неправдоподобной. Отец Качук запирает свою дочь, противясь ее обращению в христианство; но героиня счастливым образом спасается, и молодые играют свадьбу. Главная героиня, по имени которой и назван рассказ, принимает крещение, однако в целом рассказ оставляет ощущение, что победа остается на стороне тьмы.

²⁵ Там же. С. 151.

²⁶ Там же. С. 152.

²⁷ Там же. С. 152.

²⁸ Там же. С. 154.

²⁹ Одна из особенностей повествования, характеризующая стиль Миловского, — резкое сокращение текста «от автора» (повествователя). Слово предоставляется героям, далеким от авторского сознания. Вместе с тем в высказываниях персонажей часто обнаруживается присутствие авторского голоса. Речь в данном случае идет не столько о феномене двусубъектного текста, сколько о потребности автора высказать свою точку зрения посредством персонажа.

²² Миловский С. Н. Хрустальное яблоко. С. 63.

²³ Там же. С. 66.

²⁴ Там же. С. 64.

Как было уже отмечено выше, Миловский принадлежал к духовному сословию, но не связывал с ним надежды на возрождение России. Его представители — порождение все той же тусклой действительности («Папаша крестный», «Суслинское торжество», «На поповом дворе», «Неизреченный свет», «Простецы», «Старенькая церковь» и т. д.). Герои этих и других рассказов не противопоставлены окружающему их миру и тем более не вознесены над ним — они его часть и живут по его законам. Часто авторская ирония направлена одновременно и на духовную среду, и на народ, в результате чего эти два мира не противопоставляются друг другу, а, напротив, сближаются между собой. Так, в тексте с символическим названием «Простецы» о. Клементий отговаривает диакона Нетленного от операции, упоая на терпение, смирение и Волю Божию. По ходу развития сюжета выясняется, что о. Клементий не может отпустить на лечение в город своего диакона, потому что боится волнений народа (елтанские чуваша верят, что молебны Нетленного вызывают дождь). Священник беспокоится, что его собственные молитвы не оправдают надежд чувашских крестьян и потому до последнего держит в деревне больного диакона. Обличительный характер носит и рассказ «Папаша крестный». Отец Никандр никак не может расстаться со своим приходом, хотя и обещал место своему крестнику Ивану. Земные блага слишком притягательны для о. Никандра, и он, не желая уступать место, без конца лицемерно поучает своего крестника, придумывает ему очередные испытания, которые должны доказать смирение и терпение. «Сюжет испытания» обретает нарочито гротескный характер, поскольку понятно, что терпение и смирение Ивана будут испытываться вплоть до смерти «папаши крестного», а умирать крестный вовсе не собирается. Обличение церковного лицемерия в рассказе Миловского восходит к щедринской традиции: проповеди о. Никандра уподоблены лицемерным речам Иудушки («Господа Головлевы»).

Среди рассказов Миловского следует выделить рассказ «Неизреченный свет» о священнике Аполлоне, задумавшем перестроить церковь, чтобы сквозь ее своды лился особенный свет: «И тут вдруг точно озарение свыше осенило мою голову, сердце задрожало, и у меня само собой сказалося: неизреченный свет бы!.. И как пришла ко мне эта идея, как вселилась, так и не выходит. Сон потерял, все думается, как бы осуществить. Глаза закрою, так сейчас рисуется мне со всей отчетливостью льющий с высоты

свет лучами на головы предстоящих и молящихся, особенный свет, которому подобного нет в мире».³⁰ Однако герой встречает препятствия на пути воплощения своей идеи: строительство нового купола не просто запрещено — на героя заведено «дело о неизреченном свете в селе Шевырялове». В данном сюжете проступают контуры библейского мифа о Вавилонской башне (рукотворное чудо невозможно, о. Аполлон выступает соперником Бога, а потому его замысел терпит поражение). Но гораздо более важным для понимания текста представляется другой смысловой аспект. Неизреченный свет восходит к идее Нетварного Света (греч. — Ἄκτιστο Φῶς), явленного апостолам на горе Фавор. Это «сверхразумный и непреступный свет, свет небесный, необъятный, надвременный, вечный, свет сияющий нетлением»;³¹ именно этого Света, по мнению Миловского, лишена жизнь российской провинции. Заземленное существование героев, принадлежащих духовному сословию, еще раз подчеркивает разрыв с подлинной религиозной традицией. Обращает не себя внимание, что «духовная проза» Миловского претерпевает значительные трансформации, испытывая на себе сильнейшее влияние «бытового очерка». В отличие от произведений Достоевского, Лескова, Салтыкова-Щедрина, рассказы Миловского «последние вопросы» оставляют за пределами авторского внимания, здесь нет места «высшей идее» бытие героев всецело поглощено бытом, а свет уступает победу тьме.

Одновременное разочарование в идее «хождения в народ» и в клерикальной идее привело писателя к духовному кризису, выйти из которого он так и не смог. В одном из своих последних писем П. Гайдебурову Миловский приходит к следующему выводу: «...весь мир — анекдот и притом довольно скверный...» Далее добавляет, что полное понимание этого анекдота ведет к сведению счетов с самой жизнью — к индивидуальной ликвидации.³² 11 августа 1911 г. писатель упал с крыши духовного училища, и почти все знавшие Миловского сочли, что это было самоубийство. «Сарапульский Чехов» задохнулся в «безвременье», так и не найдя реальной опоры ни в жизни, ни в богословии, ни в искусстве, а в его творчестве переплелись три важнейшие формулы русской словесности уходящего XIX в. — «власть тьмы», «скверный анекдот» и «скудная история».

³⁰ Миловский-Елеонский С. Папаша крестный. Рассказы. С. 16.

³¹ Св. Григорий Палама. Триады в защиту священно-безмолвствующих. М., 1995. С. 388.

³² Миловский С. Н. Хрустальное яблоко. С. 334.

Tatyana V. Zvereva

Doctor of Philological Sciences, Udmurt State University (Russia, Izhevsk)

E-mail: tvzver.1968@yandex.ru**“THE POWER OF DARKNESS”: THE OEUVRE OF SERGEI MILOVSKY (S. ELEONSKII)**

The research focuses on the oeuvre of writer Sergei Milovsky (S. Eleonskii) who lived in the town of Sarapul, Russia, in the late 19th — early 20th centuries. The writer’s stories are presented as a part of the “Ural mega-over-text”, which needs further research, thus determining the topicality of this work. The novelty of the study is due to the fact that Milovsky’s works have not yet become the object of a detailed philological analysis. The paper traces the connection of the writer’s stories with the works by A. Chekhov, M. Saltykov-Shchedrin, as well as with the Russian populist (narodnik) writers (G. Uspensky, N. Zlatovratsky, N. Naumov, F. Nefedov, F. Reshetnikov). Milovsky’s oeuvre reflects the crisis of the late 19th — early 20th century Russian reality, the search for a way out of which is connected, on the one hand, with the ideology of populism (narodnik movement), on the other — with the clerical idea. The analysis of his stories shows that both ways prove to be dead ends for the author. “Going to the people” reveals its inconsistency, since Milovsky realizes that the enlightenment of the pagan population and its conversion to Christianity is fraught with deep cultural and religious conflicts. At the same time, the writer reveals the crisis and degeneration of the clergy, which finally lost its influence on the people at the turn of the 19th–20th centuries. The awareness of the impasse leads Milovsky to the conclusion of the impossibility of staying in the present reality, to “individual liquidation” as he puts it.

Keywords: *S. Milovsky, ego-literature, “Ural mega-over-text”, spiritual prose, author*

REFERENCES

- Abashev V. V. *Russkaya literatura Urala. Problemy geopoetiki: uchebnoye posobiye* [Russian Literature of the Urals. Problems of Geopoetics: A Textbook]. Perm: Permskiy gos. nats. issled. un-t Publ., 2012. (in Russ.).
- Bukharkin P. E. *Pravoslavnaya russkaya tserkov' i russkaya literatura v XVIII–XIX vekakh: Problemy kul'turnogo dialoga* [The Orthodox Russian Church and Russian Literature in the 18th–19th Centuries: Problems of Cultural Dialogue]. Saint Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta Publ., 1996. (in Russ.).
- Faziulina I. V. [The Writer in the Province: Formation of S. N. Milovsky’s (Eleonsky) Artistic Thinking]. *Dergachevskiy chteniye–2014. Russkaya literatura: tipy khudozhestvennogo soznaniya i dialog kul'turno-natsional'nykh traditsiy* [Dergachev Readings–2014. Russian Literature: Types of Artistic Consciousness and Dialog of Cultural and National Traditions]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta Publ., 2015, pp. 253–258. (in Russ.).
- Faziulina I. V. [Ego-literature, or to the Question of the Artistic Method of S. N. Milovsky (Eleonsky)]. *Kormanovskiy chteniye* [Korman’s Readings]. Izhevsk: Udmurtskiy un-t Publ., iss. 13, pp. 87–100. (in Russ.).
- Gladkova E. V. [Spiritual Prose of the 1830-1870s]. *Khristianstvo i russkaya literatura* [Christianity and Russian Literature]. Saint Petersburg: Nauka Publ., 2006, vol. 5, pp. 129–202. (in Russ.).
- Istoriya literatury Urala. XIX vek. Kn. 1* [A History of Ural Literature. 19th Century. Vol. 1]. Moscow: Izdatel'skiy Dom YASK Publ., 2021. (in Russ.).
- Istoriya literatury Urala. XIX vek. Kn. 2* [A History of Ural Literature. 19th Century. Vol. 2]. Moscow: Izdatel'skiy Dom YASK Publ., 2021. (in Russ.).
- Mironov G. M. [Eleonskiy S. (S. N. Milovsky)]. *Kratkaya literaturnaya entsiklopediya* [A Concise Literary Encyclopedia]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1964, vol. 2, pp. 881–882. (in Russ.).
- Pozdeyev P. K. [Sergey Milovsky]. *Pisateli i literaturovedy Udmurtii. Bibliograficheskiy spravochnik* [Writers and Literary Critics of Udmurtia. A Bibliographic Handbook]. Izhevsk: Udmurtskoe kn. izd-vo Publ., 2006, pp. 83–84. (in Russ.).
- Prashcheruk N. V. *Sovremennaya dukhovnaya proza: traditsii, smysly, poetika* [Modern Spiritual Prose: Traditions, Meanings, Poetics]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta Publ., 2018. (in Russ.).
- Shumilov E. F. *Khristianstvo v Udmurtii: Tsvivilizatsionnyye protsessy i khristianskoye iskusstvo. XVI — nachalo XX v.* [Christianity in Udmurtia: Civilization Processes and Christian Art. 16th — early 20th Centuries]. Izhevsk: Udmurtskiy un-t Publ., 2001. (in Russ.).
- Zaporozhtseva N. S. *Tayny Sarapul'skogo smotritelya* [The Secrets of the Sarapul Caretaker]. Sarapul: s. n., 2016. (in Russ.).

Для цитирования: Зверева Т. В. «Власть тьмы»: творчество Сергея Миловского (С. Елеонского) // Уральский исторический вестник. 2025. № 1 (86). С. 16–21. DOI: 10.30759/1728-9718-2025-1(86)-16-21.

For citation: Zvereva T. V. “The Power of Darkness”: the Oeuvre of Sergei Milovsky (S. Eleonskii) // Ural Historical Journal, 2025, no. 1 (86), pp. 16–21. DOI: 10.30759/1728-9718-2025-1(86)-16-21.